

Хэ Минцзе считал себя настоящим мужчиной — сказал, как отрезал. Несмотря на то что называть первого встречного папашей было делом постыдным, он дал слово и собирался сдержать его, даже если придется туго. Иначе как потом смотреть в глаза пацанам на районе?

Хэ Минцзе откашлялся, подавляя пылающий на щеках жар, глубоко вдохнул и что есть мочи заорал, обращаясь к Пань Юю:

— Папа!

Он слишком долго настраивался, слишком долго копил в себе этот заряд, поэтому голос прозвучал оглушительно громко. Все, кроме заранее предупрежденных Пань Юя и Сунь Хаосяна, вздрогнули, а осознав, что произошло, взорвались хохотом.

— Ха-ха-ха-ха, Хэ Минцзе, ты совсем с катушек съехал?

— Старина Хэ, с каких пор у тебя появилось хобби называть всех подряд папашами?

— Хэ Минцзе, в классе полно народу, ты к кому именно обращаешься?

Раз уж начал, чего теперь ломаться. Этот крик будто сорвал с Хэ Минцзе какой-то предохранитель, и он окончательно пустился во все тяжкие. Упершись руками в парту, он встал и с видом властелина мира провозгласил:

— Все, кто здесь сидит, — мои папаши!

Ему не хотелось обходить каждого по отдельности — слишком много болтовни, да и с девчонками вышло бы неловко. Он снова прочистил горло и рявкнул:

— Папа!

В классе на секунду воцарилась тишина, а затем ученики первого класса зашлись в безудержном смехе. Одобрительные возгласы и свист заполнили помещение, казалось, вот-вот сорвет потолок.

Хэ Минцзе был невероятно горд произведенным фурором. Он уже набрал в грудь воздуха, чтобы выдать еще что-то эдакое, как вдруг чья-то рука вцепилась ему в ухо.

Вошел Сунь Фуань с разъяренным лицом:

— Я твой голос даже в коридоре слышал! Разве я не повторял, что даже на перемене в классе запрещено кричать?

У Сунь Фуаня сегодня снова упали акции, и, глядя на бесконечно ползущую вниз кривую, он на своей шкуре прочувствовал, что такое боль в буквальном смысле слова. Проведя весь вечер в попытках успокоиться, он пришел в класс, чтобы навестить своих оболтусов, и едва дойдя до двери, услышал, как Хэ Минцзе орет во все горло.

Терпение учителя лопнуло, он дернул Хэ Минцзе за ухо еще сильнее:

— Мои слова для тебя пустой звук? А?

С прошлым разом, когда они вырубили электричество, он еще не разобрался, а тут новый выкрутас. Похоже, без хорошей взбучки не обойтись.

— А-а, больно, больно! — закричал Хэ Минцзе, кривясь от боли. — Учитель, полегче, это же телесные наказания, нарушение дисциплины!

Сунь Хаосян лишь молча закатил глаза. Он поражался тому, как мастерски Хэ Минцзе умеет нарываться на неприятности. Неужели так трудно просто признать вину? Обязательно лезть на рожон и напрашиваться на экзекуцию?

Разумеется, услышав это, Сунь Фуань усмехнулся:

— Раз все здесь присутствующие — твои папаши, то какое же это нарушение, если я бью собственного сына?

Сказав это, он отпустил Хэ Минцзе и для пущего эффекта отвесил ему увесистый подзатыльник:

— Скучно тебе, да? Ладно, бери утреннюю контрольную по математике и марш ко мне в кабинет. Пока не решишь — не вернешься.

Хэ Минцзе хоть и был сорвиголовой, но свой уровень знал. Контрольную составлял сам Сунь Фуань, и она состояла из одних задач повышенной сложности. Для такого середнячка, как он, выполнить всё это за один урок самоподготовки без посторонней помощи было сродни сказке. Он тут же начал молить о пощаде, но было поздно. Сунь Фуань явно решил взяться за него всерьез и не собирался отпускать просто так.

Хэ Минцзе, проклиная про себя старого изверга, понуро поплелся следом за учителем.

Бо Цзинь, не заметивший и капли искреннего раскаяния в поведении Хэ Минцзе, полулежал на стуле и, глядя на его унылую спину, недоуменно произнес:

— Почему он всегда находит кратчайший путь к собственной гибели?

Се Жуань, наблюдавший за этим представлением, едва сдерживал улыбку. До перехода в первый класс он думал, что отличники только и делают, что зубрят уроки. Но, пообщавшись с ними, понял, что эти ребята довольно забавные. Ну, почти все, кроме того, что сидит рядом.

— Это тебе стоит у него спросить, — Се Жуань бросил на Бо Цзиня многозначительный взгляд.

Бо Цзинь удивился такой логике:

— А я тут при чем?

Се Жуань ответил:

— Рыбак рыбака видит издалека. Разве Хэ Минцзе не твой кореш?

Увидев, что Бо Цзинь промолчал, Се Жуань довольно улыбнулся. Наконец-то он отыгрался на этом наглеце. Он вытащил из полки тетрадь по английскому, решив, что в хорошем настроении справится с этим орешком.

Только он открыл страницу, как услышал голос Бо Цзиня:

— Может, ты знаешь Сказание о лотосе?

Се Жуань нахмурился:

— И что с того? Знаю или нет, какая разница?

Бо Цзинь слегка приоткрыл губы и лениво протянул:

— Я — как лотос: вышел из грязи, но не запятнал себя.

Се Жуань промолчал. Это была его вина: он забыл старую истину о том, что бесстыдство — непобедимая сила.

За последнее время Се Жуань хорошо изучил свои слабые места. С другими предметами проблем не было — математика и химия даже начали казаться интересными. Но английский... как бы он ни старался, язык просто не давался. Приходилось тратить в три-четыре раза больше времени, чтобы добиться хоть какого-то результата. В итоге за всю вечернюю самоподготовку он успел сделать лишь половину запланированного.

Он решил засунуть тетрадь в рюкзак. Сегодня он ночует в общежитии у Бо Цзиня, так что если атмосфера станет слишком неловкой, можно будет просто уткнуться в учебу. Се Жуань считал себя невероятно хитроумным, но он явно недооценил Бо Цзиня.

Такого понятия, как неловкость, в словаре Бо Цзиня просто не существовало.

— Ты первый в душ или я? — спросил Бо Цзинь, закрывая дверь комнаты 405.

Се Жуань был здесь второй раз, в прошлый раз он просто занес вещь и не заходил дальше порога. Теперь он заметил, что в комнате идеально чисто — хоть сейчас на выставку образцовых общежитий, совсем не похоже на мужское логово. Пока он осматривался, его

застали врасплох этим вопросом. Се Жуань с сомнением посмотрел на Бо Цзиня:

— Ты не можешь нормально разговаривать?

Звучало так, будто они собрались на свидание.

— А что я сказал не так? — Бо Цзинь снял школьную куртку и повесил ее на спинку кровати, изобразив удивление. — Просто спросил, не хочешь ли ты помыться. О чем ты там таком подумал?

Он цокнул языком:

— У кого что болит, тот о том и говорит. Не ожидал, что ты так ждешь этой ночи. Если бы я знал...

Се Жуань с каменным лицом запустил в него рюкзаком:

— Жду я твою мать!

Бо Цзинь легко перехватил летящий в лицо рюкзак и многозначительно добавил:

— Впрочем, я не против.

Се Жуань замер, осознав смысл сказанного, и его уши мгновенно залились краской. Он был неправ! Ему стоило сидеть тише воды, ниже травы, не давая этому типу ни единого шанса!

— Я в душ, — Се Жуань схватил сменную одежду и, не оглядываясь, выскочил из комнаты.

Глядя на его поспешное бегство, Бо Цзинь тихо рассмеялся, придвинул стул и начал проверять упражнения, которые Се Жуань сделал вечером. Он обнаружил, что у парня действительно нет таланта к английскому: стоило немного изменить формулировку вопроса, как тот сразу терялся. Однако было видно, что он очень старался — во многих местах виднелись следы исправлений.

Бо Цзинь улыбнулся и карандашом на полях расписал нужные правила. Он никогда не был настолько дотошен, постоянно ловил себя на том, что пытается пропустить очевидные вещи, но, спохватившись, стирал написанное и начинал объяснять заново.

Когда Се Жуань вышел из ванной, Бо Цзинь как раз закончил. Услышав шум, он поднял взгляд:

— Я исправил ошибки, посмотри сам, может, теперь поймешь...

Бо Цзинь застыл, глядя на Се Жуаня. Тот вышел из ванной, окутанный влажным паром. От горячей воды его бледная кожа слегка порозовела, что придавало ему какой-то мягкости. На

нем была широкая черная футболка, ворот которой небрежно съехал набок, обнажая красивые ключицы. Капли воды стекали с волос, скатывались по коже и исчезали под тканью одежды, невольно пробуждая воображение. При каждом движении футболка прилипала к телу, подчеркивая стройную фигуру.

— Ты проверил? — Се Жуань, ничего не подозревая, подошел ближе и, вытирая волосы, наклонился посмотреть. В этот момент влажные пряди случайно коснулись щеки Бо Цзиня, вызвав неприятное, но трудно игнорируемое покалывание. — Спасибо. Иди мойся, я пока посмотрю.

Се Жуань развернул полотенце и повесил его на край кровати, жестом показывая Бо Цзиню, чтобы тот уступил место. Бо Цзинь не шелухнулся.

— Бо Цзинь? — снова позвал Се Жуань.

Бо Цзинь вздрогнул и вернулся в реальность. Черт, он прикусил щеку, мысленно выругавшись. Он что, с ума сошел?

— Хорошо, — голос Бо Цзиня прозвучал хрипло. Он поднялся, повернувшись спиной к Се Жуаню, и направился в ванную.

— Странный какой-то, — пробормотал Се Жуань, не придав этому значения, и сел за тетради.

Он был неглуп, а с помощью Бо Цзиня всё пошло как по маслу. Даже самый нелюбимый английский давался легче, чем обычно. Когда он разобрался со всеми вопросами, как раз прозвенел отбой. Се Жуань с довольной улыбкой закрыл учебник, чувствуя прилив гордости.

— Чему это ты так радуешься? — Бо Цзинь, встряхнув одеяло, обернулся и, увидев его выражение лица, усмехнулся. — Так приятно делить постель со старостой?

— Не льсти себе, — Се Жуань без церемоний нырнул под одеяло и устроился поудобнее. — Спать будем или нет?

— Будем, — Бо Цзинь улыбнулся, откинул край одеяла и лег рядом.

Кровать в общежитии была узкой, поэтому двум высоким парням было не избежать тесного контакта. В конце октября все еще стояла жара, а у подростков кровь кипела, поэтому Се Жуаню казалось, что места соприкосновения тел просто горят. Он чувствовал себя ужасно неловко, хотел отодвинуться, но, видя, что Бо Цзинь ведет себя спокойно, постеснялся. Так, в борьбе с самим собой, его начало клонить в сон.

Веки Се Жуаня медленно сомкнулись. В тот самый момент, когда он был готов провалиться в глубокий сон, он вдруг о чем-то вспомнил. Собрав последние остатки сознания, он

пробормотал:

— Бо Цзинь...

Рядом тут же отозвался Бо Цзинь:

— М?

— Не смей ночью тайком ходить на крышу, понял? А то я... — голос становился всё тише, пока не умолк совсем.

Похоже, он действительно боялся, что тот полезет на крышу, раз помнил об этом даже в полудреме. Бо Цзинь усмехнулся, ожидая продолжения, но в ответ тишина. Повернув голову, он увидел, что Се Жуань уже спит.

Шторы не были задернуты до конца, и в комнату пробивался яркий лунный свет, позволяя Бо Цзиню отчетливо видеть лицо Се Жуаня. У парня были прекрасные черты лица: высокий прямой нос, четкий контур. Сейчас он выглядел таким послушным и тихим, свернувшись калачиком рядом, совсем не похожим на того дерзкого парня, которого он видел днем.

Что-то внутри Бо Цзиня дрогнуло. За столько лет, за столько бессонных ночей это был первый раз, когда кто-то так искренне о нем заботился. Пусть даже сейчас этот человек спал без задних ног, как поросенок, само его присутствие приносило покой.

Бо Цзинь улыбнулся, достал пульт от кондиционера, прибавил температуру и тоже закрыл глаза.

На следующее утро Се Жуань проснулся от того, что тело ужасно затекло, словно его сковали цепями. Он нахмурился и открыл глаза, но вместо потолка увидел перед собой стену. Воспоминания начали возвращаться: он вспомнил, что остался ночевать у Бо Цзиня. Прямо сейчас Бо Цзинь обнимал его сзади, властно прижав к себе.

Се Жуань осторожно пошевелился, пытаясь выбраться, но в следующую секунду замер. Утренняя реакция мужского организма была до безобразия очевидной и настойчивой.

Се Жуань просидел в ступоре полминуты, после чего его лицо начало медленно, но верно краснеть. Сверху раздался тихий смешок Бо Цзиня — тот явно всё понял. Се Жуань взорвался и попытался перевернуться, но Бо Цзинь ловко прижал его обратно.

Он прорычал:

— Ржешь? А ну, отпусти!

Бо Цзинь не только не послушался, но и сжал объятия еще крепче. Теперь ощущения стали

еще отчетливее. Се Жуань готов был дымиться от ярости или стыда, он с трудом сдерживал желание выругаться:

— Бо Цзинь, ты больной?

Бо Цзинь усмехнулся:

— Разве ты не чувствуешь, больной я или нет?

Се Жуань:

— ...

Он был готов убить его:

— Ты чего добиваешься?

— Ничего, — Бо Цзинь посмотрел на его алые уши и невозмутимо добавил: — Просто хотел, чтобы ты убедился, что у меня нет никаких проблем с мужской силой.

Се Жуань не понимал логику этого человека. Неужели это и есть та самая невидимая стена между отличником и двоечником?

— И какое мне дело до твоей потенции?

— А зачем ты тогда поила меня водой с ягодами годжи?

Се Жуань замер, наконец поняв, к чему всё это было, и от стыда перешел в наступление:

— Кто тебе сказал, что годжи лечат потенцию? Это было для того, чтобы ты лучше спал!

Бо Цзинь опешил, а затем уткнулся лицом в шею Се Жуаня, сотрясаясь от смеха. Вот уж недоразумение так недоразумение. А он-то думал, зачем Се Жуань так заботится о его «мужском здоровье».

Горячее дыхание на шее заставило Се Жуаня вздрогнуть. Он согнул локоть и что есть силы ткнул Бо Цзиня в бок:

— Отпусти! Тебе совсем не стыдно?

— Мне? Нет, — Бо Цзинь был сама невозмутимость, наглость так и перла из него. — Стыдно должно быть тому, у кого ничего не встает.

Се Жуань:

— ...

Черт, а ведь он прав, и крыть было нечем.

— Ты отпустишь или нет? — терпение Се Жуаня было на пределе. — Если не отпустишь, я тебе эту штуку оторву.

Бо Цзинь уже было хотел его отпустить, но, услышав это, рассмеялся. Сам виноват, не надо было провоцировать. Он свистнул и с улыбкой ответил:

— Ну давай, попробуй. Если не оторвешь — ты не мужик.

<http://bllate.org/book/20370/2037738>